

А. КЛЫКОВ

КАРШИК

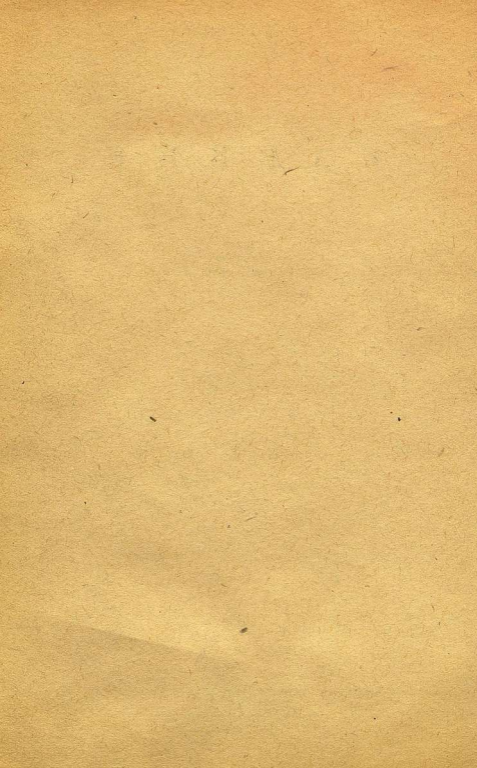
ДЕТГИЗ

А. КЛЫКОВ

Б А Р П И Б

Рисунки
Р. ВАРТО

*Государственное Издательство Детской Литературы
ИЗД РСФСР
Москва 1943 Ленинград*

Там рыбок гуляют
Златые стада...

М. Ю. Лермонтов

* * *

*

Была ранняя весна. Легкие белоснежные облака плыли по высокому синему небу. Лед прошел. Река и заливы наполнялись мутной водой от тающего снега. Высоко над рекой раздавались радостные крики птиц. Гуси, журавли, утки — все спешили к северу, туда, где были их гнезда.

Рыбацкий поселок, где жил Женя Жуков, сын бригадира, раскинулся на берегу большой реки, недалеко от моря. Вчера бригада Жукова начала лов рыбы. Ловили неводом день и ночь.

Когда постучали в окно, Женя еще спал крепким сном. Он вскочил с постели, отворил окошко. Солнце уже ласково грело.

— Беги скорее на берег! — сказал отец. — Посмотришь, как метят рыбу.

— Зачем? — удивился Женя.

— Придешь — узнаешь! — улыбнулся отец, уходя к рыбакам.

Женя знал, как ловят рыбу сетями и неводом. Трудная работа! Зато как весело, когда хороший

694048 КХРер

улов! Но чтобы живую рыбу метили, как сам Женя метил свои вёсла буквами «Е» и «Ж» — Евгений Жуков, это было еще новостью для него. Женя стал быстро собираться.

Уходя из дому, он по привычке захватил удочки. Какое удовольствие таскать из воды пестрых окуней и серых ершиков!

На берегу, у громадной лодки-прорези, наполненной до краев водой, где плавала живая рыба, стояли два незнакомца. Один из них, высокий и плотный, наклонившись к товарищу, держал обеими руками полосатого судака, обернув его полотенцем, чтобы не выскользнул. Другой, в очках, с небольшой бородкой, быстро работал щипцами. Женя увидел, как на правой жаберной крышке испуганного судака появилась блестящая метка. В ту же секунду рыбу положили на весы. Стрелка качнулась вправо.

— Два кило! — Рыбовод осторожно взял судака и выпустил его в воду.

— Давай следующего! — Высокий зачерпнул сачком в прорези.

Судаки старались вырваться из рук, широко раскрывали рты, глотая воздух.

Рыбоводы работали быстро и ловко: брали рыбу из прорези, ставили метки, взвешивали, что-то записывали в тетрадь и выпускали помеченную рыбу обратно в реку. Женя уже насчитал десятка два помеченных судаков.

— А этого карпа будем метить? — спросил толстяк.

— Это сазан, — поправил его Женя.

— А у нас на Украине вашего сазана зовут карпом, — ответил рыбовод. — Пометим!

Женя шагнул поближе. Щипцы щелкнули. Заблестела метка. Женя прочел «№ 33» и еще какие-то знаки.

На весах сазан не шелохнулся, лежал как мертвый.

— Кило пятьсот!

Только что толстяк поднял с весов сазана, как он рванулся, выскользнул из рук и звонко шлепнулся в воду.

— Ловко! Молодец карпик! — усмехнулся низенький, поправляя очки. — Если нам попадешься еще раз, узнаем, как рос, насколько прибавил в весе. А ты, паренек, когда берут рыбу из невода, смотри, нет ли с меткой. Мы здесь судаков метим, а у верхних истоков лососей. Давай следующего!

Медленно расходились круги там, где упал Карпик.

ВЕСНА ПОД ВОДОЙ

Несколько секунд кружилась голова. Рот и жабры были очень плотно закрыты. Карпик боялся, что сухой воздух обожжет его нежные жаберные лепестки. Но вот больше нет сил держать рот закрытым. Карпик глотнул — и... вот счастье: через жабры потекла вода! Вода! Карпик не мог без нее жить. От радости он завертелся, спугнув черного рака, спокойно стоявшего у своей норки.

В правой щеке была легкая боль. Карпик помчался по течению реки. Через некоторое время он остановился. Боли не было. Однако на правой щеке что-то попрежнему мешало. Карпик снова бросился вперед, головой в ил, и метра два пробороздил по дну, всплывал вверх и опускался вниз. Ничто не помогло.

Тем временем сильное течение реки уносило Карпика все дальше и дальше от тех мест, где он недавно гулял. Незаметно для себя Карпик очутился в море, перед устьем реки.

Большеголовые бычки, серебристые кефали и

бесчисленные стаи килек окружали Карпика. Рыбы гонялись за личинками насекомых и крохотными морскими рачками. Дул морской ветер, гнавший к берегу морскую воду. Карпику была не по вкусу эта горько-соленая вода. Летом в глубине моря так холодно, что мороз по чешуе пробегает. А зимой нельзя спокойно спать — южное море не покрывается льдом, и ветер все время поднимает крутые волны. Нет, Карпик не любил жить в море.

И он поспешил обратно в реку. Все мутнее и мутнее становилась вода, по мере того как он приближался к берегу. Стали попадаться обломки камыша, щепки, куски деревьев. Изредка приходилось сворачивать, чтобы не столкнуться с полузатонувшими ветками. Труднее различались камни и подводные мели. Ближе ко дну вода несла мелкий песок. Карпик то и дело хлопал жабрами, стряхивая с них сор.

Через два часа Карпик снова почувствовал пресную речную воду. За перекатом реки послышался шум. С правой стороны, из моря, двигалась серая стая. Бок о бок шли сотни тысяч и миллионы рыб. Это шла родня Карпика — вобла.

Вобла все прибывала. Скоро почти все пространство реки, чуть ли не от поверхности до дна, было наполнено двигающейся воблой. Карпику пришлось посторониться: его отжимали к пологому берегу.

Плывя вдоль зеленой изгороди камыша, Карпик почувствовал, как его сильно толкнуло волной. Обгоняя серую воблу, быстро плыли синеносые осетры. Карпик быстро спрятался за стеблями кувшинок. Через несколько минут, решив, что опасность миновала, Карпик высунулся и тотчас замер в ужасе: прямо на него плыл двухметровый осетр. Осетр угрожающе шевелил усами и вдруг,

не обращая никакого внимания на Карпика, схватил маленькую ракушку. Вильнув хвостом, осетр мгновенно исчез.

Карпик пустил пузыри и продолжал свой путь. В этот момент, как ураган, над ним промелькнул красавец лосось, сверкнув серебряной чешуей. Волны снова ударили по боку Карпика. Он сжал свой плавательный пузырь и опустился на дно: надо плыть боковым протоком реки, там спокойней. Но тут снова послышался шум. Приближалась следующая стая бесчисленной воблы, поднимающейся вверх по реке. Карпик спешил, стараясь обогнать стаю.

Скоро Карпик почувствовал новое течение, теплую воду бокового протока, отличавшуюся от холодной струи главного русла реки. Вот и вход в проток. Карпик быстро обогнул затонувший обрубок дерева и чуть не налетел на белугу — страшного «морского волка».

Белуга не торопясь проглатывала одну рыбешку за другой. Погнавшись за крупной воблой, белуга внезапно повернулась. Карпик увидел устремленные на него тусклые глаза хищника. Мгновенно перевернувшись на спину, белуга стремительно бросилась на него. На секунду раньше Карпик успел юркнуть за обрубок дерева. Полуметровая пасть пронеслась мимо. Белуга промахнулась!

Карпик быстро свернул через проток в залив. В разные стороны бросились зеленые лини и пузатые караси, перед его появлением лениво сосавшие зеленую тину. Тяжело хлопая жабрами, Карпик опустился на мягкий песок. Страшная опасность миновала! Можно наконец отдохнуть!

Заросли подводных трав густо покрывали дно залива. Среди водяных сосенок, поднимающихся

кверху, изгибались комариные личинки и вперегонки носились жуки-плавунцы. Тихо проплывали красивые язи, мелкие пестрые щучки. Два ерша дрались из-за красного мотыля. У поверхности воды на одном месте вертелись уклейки. Толстые лини бродили у берегов, подыскивая удобные места для своих будущих мальков. Вода, теплая, как парное молоко, располагала ко сну. Хорошо было отдыхать в заливе!

Медленно бродил Карпик по песчаным отмелям залива, собирая по дну червей. Глотал улиток, упавших на дно, сладко чмокая губами. Распугивая пучеглазых ершей и шустрых окуньков, Карпик, как поросенок, рылся в сером илу. Через несколько дней он отъелся, отдохнул. Золотистая чешуя его потускнела в мутной воде залива. Его потянуло в родную стаю. Как перелетная птица, Карпик стремился туда, где он родился.

Рано утром Карпик снова отправился в путь. Солнце еще не бросило свои лучи на тихие воды. Не спеша просыпались постоянные жители тихой заводи: караси, лини, уклейки. Они никуда не путешествовали и ничего не знали, кроме своего залива.

Уходя из залива, Карпик на прощанье помахал хвостом двум карасям, стоящим у входа в реку.

Сильное течение холодных струй реки заставило Карпика насторожиться. Он расправил грудные плавники и быстро поплыл вверх по течению.

МОРСКОЙ ВОЛК

По реке плыла старая хищница — белуга, Морской волк. Кожа на спине у нее почернела, только на брюхе осталась белая. Нос не длинный, но острый. Рот не как у всех рыб, а под подбород-

ком. Если надо кого-нибудь схватить, то придется переворачиваться на спину, иначе толкнешь носом, а в рот ничего не попадет.

Белуга, как и другие рыбы, пришедшие из моря в реку, шла метать икру.

Уже шестьдесят лет из года в год одной и той же рыбьей тропой поднималась белуга к родным ей местам. Там родилась она сама и там же выводила своих белужат.

Мерно ударяя хвостом, она, как подводная лодка, быстро плыла посередине реки. Путь очень далек. Но белуга чуяла, что только там, в верхних частях реки, должны вывестись ее белужата. Только там белужки, выклюнувшись из ее икринок, смогут благополучно окрепнуть и подрасти.

Сейчас белуга шла у дна крутого правого берега реки. Пропуская воду сквозь жабры, она почуяла запах сельди. И верно, сельди плотной стаей бежали через русло реки.

Солнце сильнее согревало воду. Теплая вода приятно омывала серебристую чешую. Селедки быстро прошли луговую отмель левого берега. Река переменяла свое направление. Сельдяная дорога тоже сворачивала к узкой мели у правого берега. Сюда подплыла и белуга. Ее холодные глаза заметили добычу. Белуга приготовилась. Она спряталась около мели, там, где поглубже. Раскрыла пасть. Прошла минута, другая. Отбившиеся от стаи селедки беззаботно проплывали мимо, не замечая опасности. Морской волк, провожая их жадным взглядом, ждал, пока подойдет вся стая.

Скоро показался передовой вожак сельди. Вожак сверкал серебряной чешуей, спинка его отливала синим цветом, а голова и грудные плавники были как лепестки красного мака. Ниже глаз сквозь нежный покров просвечивали перламутро-

вые точки. Следом за вожаком, окружая его, шли жирные, с выпуклыми боками серовато-серебристые селедки.

Пора! Белуга что было сил хлестнула хвостом, мгновенно перевернулась на спину и врезалась в стаю. В раскрытой, как громадная воронка, пасти одна за другой исчезали несчастные рыбы. Втягивая и пропуская через жабры мутную воду, белуга целиком глотала полуметровых рыб. Не помня себя от страха, сельди с разбегу выпрыгивали на сухой песок, выскакивали на поверхность воды, бросались на дно. Каждая искала спасенья. Две-три минуты продолжалось это бедствие!

Поредевшая, разметавшаяся в стороны стая снова собралась на середину реки. Уцелевший вожак стал впереди. Теперь от правого берега стая перешла к левому: так изгибалась дорога, по которой из года в год тысячи лет каждой весной шли селедки метать икру.

Косые лучи солнца еще освещали поверхность реки. Вожак сельди плыл все медленнее и медленнее. Наконец, приплыв к острову, ниже которого течение было слабее, вожак остановился. Никто больше не двинулся вперед. Сельди не прыгали из воды, не обгоняли друг друга. Все стояли на одном месте, иногда опускаясь ко дну.

День кончился. Заблестели звезды. Светлая весенняя ночь ласково обнимала землю и воду. В заливах слышались плеск и тихое кряканье уток.

А хищница белуга, распугавшая сельдей, и ночью плыла так же, как днем.

Вот течение с правой стороны стало слабее — это мель, а может быть, даже остров. Белуга свернула влево. Пройдя с километр, она почуяла, как сила течения снова изменилась; струя даже повернула в обратную сторону — несомненно, близко

подводная гряда камней со входом в залив. Сюда итти не надо! Белуга, как рулем, повела хвостом, переходя вправо. Всю ночь шла она, чувствуя подводные предметы, обегая камни и мели, сторонясь затонувших деревьев, чутьем узнавая, в какой струе воды надо плыть. На рассвете почуяла идущую впереди стаю воблы. Белуга прибавила ходу в погоне за новой добычей.

А стая воблы спокойно подошла к протоку, за которым вода тонким слоем разливалась по зеленому лугу. Вот где будет раздолье малькам воблы! Весенняя вода только еще начала заливать ложбину. В протоке было так мало воды, что вобле трудно было пройти на затопленный луг. А так сильно влечет туда, где теплая вода и много корма для будущих мальков! Как быть? Воблы подходили к протоку, тыкались носом, их брюшки бороздили песок, а спинки наполовину высовывались из воды. Опять и опять передовые пробовали проскочить. Но всякий раз опасность застрять заставляла воблу возвращаться назад в реку. Наконец вожак, подплыв к протоку, лег на бок. Хотя вода еле-еле покрывала бочок рыбы, но зато жабры были в воде. Это самое главное! Лежа на боку, плавно пошевеливая хвостом вверх и вниз, вожак начал подвигаться по протоку. Все дальше и дальше. Еще движение хвостом, еще, еще... и мелкое место осталось позади. Вожак, почувствовав глубину, повернулся спинкой кверху, весело брызнул хвостом и стрелой понесся в воде, покрывавшей серебром молодую ярко-зеленую траву. За первой так же проскользнула вторая рыбка, за ней третья, четвертая. Скоро воблы одна за другой, ложась на бок, стали пробираться на луг.

А в это время Морской волк нагнал задние ряды стаи. Рыбы, почуяв врага, бросились в разные

стороны, часть успела проскочить в проток, часть — обратно в реку. Стремясь попасть в самую гущу воблы, белуга сделала последний бросок вперед, перевернулась... и выскочила в мелкий проток. Раздался сильный плеск. Вода расступилась. Белуга без движения лежала на песке.

Вороны, прыгавшие по мокрому берегу, с громким карканьем поднялись в воздух. Серые воровки кружились над громадиной, радостно перекликаясь в ожидании очень сытного обеда. «Кар-кар-кар!» кричали вороны. На крик быстро прилетели подружки. Одни из них сели поодаль, а другие, посмелее, стали бочком-бочком подбираться к белуге. Неожиданно белуга дернулась всем телом. Вороны испугались и поднялись в воздух. Белуга, выпрямив, как огромный руль, свой хвост, начала толкаться назад. Воды под белугой было мало, но все же ей удалось перевернуться на брюхо. Серыми плавниками она с огромной силой бороздила песок, но все еще не двигалась с места. Поворачиваясь с боку на бок, белуга выбила наконец под собой в песке порядочной глубины яму. Сюда постепенно набралась вода и покрыла жабры Морского волка. Тогда белуга из последних сил рванулась назад в реку. Вода забурлила вокруг. Скользя по песку, белуга наконец выбралась обратно. Тяжело дыша, вся в ссадинах, перепачканная в иле, собираясь с силами, лежала она около протока. Нелегко оправиться от такой напасти!

А над Морским волком, заметив его сквозь тонкий слой воды, уже летала громадная птица скопа-рыболов. Пролетев раз-другой, скопа остановилась в воздухе над белугой. Чуть шевеля своими огромными крыльями, она прицелилась. Распустив острые когти, скопа с налету бросилась в воду. Что было силы птица вцепилась в белугу.

Не тут-то было! Добыча оказалась не по плечу. Белуга вздрогнула, рванулась с места. Скопа хотела подняться, но не смогла разжать кривые когти, глубоко вонзившиеся в рыбу. Белуга, увлекая на спине задыхающуюся птицу, быстро опустилась в глубину.

НА РОДИНЕ

Карпик быстро плыл вдоль песчаной отмели. Здесь солнце успело хорошо прогреть воду.

Пришло время метать икру. Куда же сазаны запропастились? Где их искать? Карпик заходил в заливы, совал свой нос в устья речек. Медленно поднимался он вверх по реке. Надо быть осторожным! Можно опять столкнуться с белугой. А вдруг она не промахнется! Страшно!

Вода теплая, теплая! Вот и широкий вход в какой-то залив или ложбину. Хоть и страшновато, а надо зайти.

Не успел Карпик завернуть за торчащий из воды роголист, как нос к носу столкнулся со своим товарищем.

Это был бойкий сазан-разведчик. Его толстая голова сливалась со спиной. Крупная золотистая чешуя покрывала гладкие бока сазана. Широкий спинной плавник темносерого цвета был разорван. Его передний луч, зазубренный как пила, торчал одиноко. Видимо, разведчик побывал в серьезной переделке. Карпик и сазан повертели друг около друга. Сазан-разведчик поплыл в глубь залива. Карпик последовал за ним.

Сазаны искали самые мелкие разливы, где теплая вода затопляет зеленые лужайки, где кишит неисчислимое множество рачков, величиной много меньше булавочной головки. Какая это вкусная пища для будущих сазаньих мальков!

В заливах было так мелко, что Карпик брюшком задевал дно. Изредка приходилось высовывать спинку на поверхность. Беда, если увидит цапля! В одном месте Карпику пришлось плыть на боку, чтобы осмотреть залитые лужайки. Сазан-разведчик, возвращаясь с этого лужка другой дорогой, даже перепрыгнул песчаный бугорок, перегораживающий ему водяную тропу.

Но вот разведка окончена. Места, где выключнутся миллионы молодых сазанчиков, выбраны. Пора возвращаться к стае. Сазаны рядышком выплыли в реку. Резво спускались они вниз, туда, где остановилась стая. К вечеру Карпик заметил стаю, как серое сукно растянувшуюся по дну. От радости он штопором выскочил из воды, затем нырнул обратно и пулей понесся к своим. Сазаны-пятилетки, одетые в золотую броню, сазаны-трехлетки, сутулые, как бы с горбом на спине, а за ними старые темнолобые сазанищи, каждый весом чуть не по пятнадцати килограммов, — все ожидали разведчика у мели пологого острова.

По приходе Карпика и разведчика стая залегла на ночлег под левой стороной острова, где поглубже. Сазаны стояли плотно один к другому. Короткая весенняя ночь прошла быстро. Когда над рекой потянул предрассветный туман и небо стало светлеть, сазаны снялись с места. Впереди шли разведчик и Карпик. Стая подошла к разливу. Мутная вода реки медленно просачивалась на прибрежный дуг. Зеленая трава, через которую переливались струи, как гребенка задерживала речной сор и песок, и на разливе вода была совершенно прозрачной. Все видно: стебли растений, бурые обломки прошлогоднего тростника, какие-то жучки, прудовики, пиявки.

Огромное стадо сазанов с шумом вошло на разлив. Вот они, прекрасные родные места, где

так хорошо метать икру! Разбившись на стайки, толкая друг друга, рыбы спешили к подводной зелени. Разведчик, покинув Карпика, быстро исчез среди зарослей. То там, то здесь мелькали серые спины. Среди тишины раннего весеннего утра слышались во всех уголках всплески. Иногда на минуту все смолкало, затем снова с еще большей силой повсюду раздавался бурный плеск сазанов.

Карпик на минуту остановился. Но в это время его окружила веселая стайка сазанов и увлекла с собой. Толкаясь, выпрыгивая из воды и шлепаясь о поверхность, сазанчики, тесня один другого, метали икру.

Великое множество желтоватых икринок коснулось зеленых стебельков травы да так и осталось на них. Легкое течение тихо склоняло стебли, и вместе с ними покачивались в хрустальной воде прилепившиеся тысячи икринок. Весь разлив казался уже желтым, а не зеленым.

Карпик выбрался из стаи. Вдруг что-то зашевелилось на торчащей из воды кочке. Карпик насторожился и в ту же минуту почувствовал, что кто-то прыгнул к нему на затылок. Это была водяная землеройка. Желая освободиться от хищного зверька, Карпик ткнулся головой в дно. Но землеройка зубами и волосистыми пальцами крепко вцепилась в загривок Карпика. Острые, как у мышонка, зубы старались прокусить затылок. Карпику было больно и страшно. Что было силы он помчался из залива и бросился в холодную глубь реки. Землеройка испугалась быстрого течения, соскочила с Карпика и побежала по дну. Скоро зверек вынырнул на поверхность. Приподняв над водой острую мордочку, землеройка быстро-быстро поплыла к берегу.

А Карпик спешил на середину реки. Он искал

694048

Российская государственная
детская библиотека

ледяную воду родника, бьющего на дне. Кровь, сочившаяся из затылка, здесь, в холодной воде, начала капать медленнее. Вскоре Карпик почувствовал резкий холод. Он нашел наконец родниковую струю. Карпик остановился, замирая постепенно от холода. Сердце билось медленнее. Жабры реже поднимались. Двигаться не было желания. Кровь в теле почти остановилась. На чешуе быстро выступила слизь. Все толще и толще делался этот слой, обволакивающий и залечивающий рану. Боль утихала.

Карпик медленно, еле-еле шевеля хвостом, отодвинулся от родника и, ткнувшись в песок, повалился набок.

ЗАПАДНЯ

Прошло несколько дней. Рана зажила. Карпик питался одними личинками. Но в холодной воде мало вкусных рачков или комариных личинок. Приходилось подолгу собирать их, пока наешься досыта.

Силы все же понемногу прибывали. Однажды на заре, в поисках упавших на воду насекомых, Карпик выплыл на поверхность.

В воде, увлекаемые течением, плыли один за другим прозрачные шарики. Карпик сделал рот трубочкой и втянул заманчивый шарик. Очень вкусно! Карпик разинул рот пошире и, держась против течения, с удовольствием глотал прозрачные шарики — икру сельдей. Икра, то погружаясь, то всплывая наверх, неслась по течению. В погоне за ней Карпик плыл в верхних слоях воды. Мимо него проносились черноспинные сельди. Они метали икру. Как бешеные, рыбы делали огромные круги по воде, высывались наружу и даже выбрасывались на песок острова.

Селедок было так много, что казалось, река полна ими.

Но вот поднялся сильный ветер. Река нахмурилась. Все выше и выше поднимались гребни волн. Небо покрылось тучами. Куда бы укрыться от надвигающейся грозы?

Карпик уплыл за остров. Там, спрятавшись под корнями затонувшей ивы, он переждал грозу.

К вечеру буря затихла. Пора возвращаться к родным местам! Карпик повернул к левому берегу, где было приятное затишье.

Что это такое? У берега реки на сотни метров лежала мертвая икра сельди. Разбушевавшиеся волны разбили часть икринок, а часть выбросили на берег. Жизнь миллионов рыбок, заключавшихся в этих икринках, прервалась. Но еще большее количество живых икринок осталось в реке и продолжало расти.

Карпик быстро поплыл мимо, в родной залив. Вот и он! Звонкий хор лягушек встретил Карпика. Кое-где еще слышался плеск. Карпик почувствовал приятную теплоту согретой солнцем воды залива. Он плеснул хвостом, давая знак о своем возвращении. К нему подплыла стайка сазанов.

В наступившей темноте Карпик почувствовал, что около него пробежали крохотные рыбешки-мальки. Он различал легкие толчки воды, идущие от движения их хвостиков.

Быстро прошла короткая ночь. На заре Карпик, забравшись в молодой камыш, стал сосать сочные стебли. Кругом изгибались личинки комаров. Что за вкусный корм! И сколько их! Успевай только разевать рот!

Залив вновь зазеленел. Исчезли желтые икринки. Вместо них появились крошечные серенькие рыбки — малявки. Они держались друг около друга стайкой.

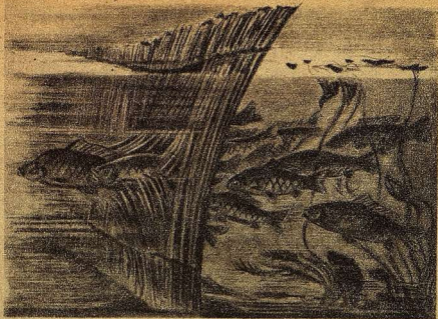
Кто-то коснулся Карпика. Это подплыл сазан-разведчик. Он пошел вперед, а Карпик за ним. Разведчик, огибая заросли лютика, плыл к выходу из залива. В одном месте, около берега, Карпик слышал топот и звуки. Звуки были такие же, какие Карпик слышал, когда ему сжимали правую щеку и сделали больно.

Мелькнули людские тени. Разведчик и Карпик бросились от берега. Немного успокоившись, они осторожно продолжали путь.

Вот и выход! Но что это? Перегораживая проход из залива в реку, стояла высокая, плотная, как щит, стенка из камышовых палочек. Карпик ткнул головой в стенку. Ни с места! Тогда Карпик с разведчиком опустились на дно и попробовали подлезть под стенку. Не вышло! Камышинки были воткнуты глубоко в песок. Сазаны пошли вдоль стенки, стараясь найти хоть какую-нибудь щелку, через которую можно было бы уйти в реку. Карпик шел впереди, а разведчик позади. Трогая усиками чуть ли не каждую камышинку, Карпик дошел до того места, где кончался проход из залива и начинался берег. Но стенка поднималась даже на берег. Повернули в обратную сторону, но и с левой стороны оказалось то же самое. Опять слышались топот и звуки.

Что делать? Выход из разлива кем-то загорожен и сделана западня.

Карпик и разведчик бросились к своим. Они по очереди подплывали к игравшим в траве сазанам. Сазаны всполошились. Игра прекратилась. Один за другим собирались в стаю крупные золотистые сазаны и сазанчики с серыми, темными и даже черными спинами. Все они один за другим плыли на середину залива, где было чистое глубокое место. Здесь рыбы становились бок о бок. Стояли

тихо, не прыгали, не плескались. Вперед пропустили старых грузных сазанов.

И вот сомкнутыми рядами, подталкивая самых крупных рыб, идущих впереди стаи, тронулись сазаны к перегородке. Не дойдя метров двадцати до камышовой стенки, сазаны чуть-чуть раздвинулись, затем сразу что было силы бросились к перегородке.

Шум, плеск, кипенье воды раздались в воздухе. Как один, сотни сазанов с разбегу ударились лбами о камышовую стенку. За ними другая, третья, четвертая партии. Рыбы шли на приступ, протискивались к перегородке, задние давили на передних. Все время приходила из залива подмога.

Перегородка задрожала, верхний край ее начал клониться. Сначала медленно, потом скорее и скорее. Камышинки треснули, сломались. Перегородка под напором сазанов рухнула и рыбы,

перескакивая друг через друга, с шумом устремились в реку.

Одним из первых, сверкнув белой меткой, выскочил Карпик. Какое счастье уйти из плена!

КУДА ПЛЫЛ МОРСКОЙ ВОЛК

Белуга Морской волк, желая сбросить со спины мертвую птицу, терлась спиной о лежащий на дне камень. Скопа свалилась. Стало легче плыть. Переворачиваясь, Морской волк почувял легкие толчки воды. Кто-то приближался. Через минуту рядом появились две небольшие белужки. Рыбы пошли вместе. Белуги ощупывали усиками, торчащими впереди широкого рта, дно реки. Попадались песок, ил, мелкая галька, покрытая пахнущим илом. Нет! Это дно еще не годится для метания икры. От моря надо уйти далеко.

Душно около дна весной, во время половодья. Рыбы поднялись к поверхности. Вот где дышится легче! Волны захватывали воздух, увлекали с собой. Здесь его было больше, чем на глубине. Дружно ударяя могучими хвостами, рыбы плыли дни и ночи.

Дойдя до каменистой гряды, лежащей на середине реки, остановились. Дно твердое, на нем рассыпаны камни. Вот где надо метать икру!

Морской волк опустился на дно. За ним бросились белужки. Все трое быстро-быстро стали кружиться над грядой. Морской волк медленно проплыл назад, потом наполовину выскочил из воды, затем снова бросился на дно. Оттуда вся тройка помчалась вперед, будто спасаясь от опасности. Проплыв метров триста, рыбы повернули обратно. Это продолжалось несколько минут. Наконец рыбы опустились глубоко на дно, куда не проникали лучи солнца.

Морской волк стал разбрасывать хвостом камни. Один, другой, третий — камни сдвигались понемногу в стороны. Острые, они ранили хвост.

Время от времени Морской волк бросал свою напряженную работу. Его сменяла другая белуга. Тяжело хлопая жабрами, все время пошевеливая израненным хвостом, Морской волк отдыхал. Передохнув, снова принимался за дело. К вечеру белуги расчистили место метра в полтора длиной. Можно было метать икру. Белуги сделали круг и остановились над углублением. Сотни тысяч крупных серых зерен покатались на дно. Быстро работая хвостами, как метелкой, белуги сгребали камни, чтобы икра осталась на месте. Все же неукротимое течение успевало уносить часть опускающихся на каменистое дно икринок.

Так продолжалось несколько суток. Даже есть некогда было. Зорко охраняя живую икру, белуги далеко не отплывали: круглые сутки стояли почти на одном месте. Белуги похудели. Хвосты, плавники были побиты, исцарапаны.

Через две недели икринки начали лопаться.словно цыплята из яиц, вылуплялись крохотные белужата. Как мертвые, сутками лежали беспомощные мальки на дне, придвинутые течением к первому попавшемуся валуну. Изредка белужата шевелили прозрачными хвостиками. Но уже через пять дней самые сильные и крупные белужьи мальки, ростом в полсантиметра и больше, ударяя хвостиками, попытались плыть.

Течение мгновенно понесло их. Хорошо, что заботливые родители сделали стенку из камней ниже того углубления, где лежала икра. Вода сбила бы мальков, закрутила вихрем, а речной песок засыпал бы их навеки.

Теперь же, защищенные грядами, как за ка-

менной стеной, росли и крепили белужьи детеныши.

Искать пищу белужатам не приходилось. Невидимые глазу мельчайшие растения и животные сами текли в рот, только успевай разевать.

Белуги в последний раз прошли над грядой. Дело было сделано. Морской волк повернул вниз по течению к морю. Проплыв километра два, он задержался в погоне за широким лещом. Река, ее средняя часть, была пуста. Сельди, вобла, их мальки — все ушли, все скатились по течению ближе к морю. Белуга искала, кого бы еще схватить. Маленькие глаза смотрели зорко. Белуга прислушивалась к малейшим звукам и толчкам воды. Она свернула к луговому берегу. Сомы и сазаны сейчас только там.

Неожиданно в мутной воде показалась остроносая трехгранная рыбина. Это осетр, поднявшись с гряды, где метал икру, беззаботно выплывал навстречу. Морской волк раскрыл пасть. Счастливый случай! Ведь только с головы можно проглотить осетра.

Осетр остановился. Перед ним был смертельный враг — белуга. Единственный во всем море, кто может пожирать осетров. Перед самым носом белуги осетр успел повернуться. Пять рядов острых, как шило, костяных бляшек торчали перед белугой. Ну-ка, попробуй хапнуть с хвоста! Пожалуй, раздерешь горло.

Белуга пролетела под осетром. Желая сейчас же перевернуться, чтобы схватить осетра с головы, Морской волк изогнул не только огромный хвост, но и половину тела. Белужьей уловке помешало быстрое течение реки: оно на метр снесло Морского волка. Этого было достаточно. Осетр увильнул. Перед раскрытой пастью Морского волка опять был хвост осетра. Тогда Морской

волк бросился вперед и вверх и с силой ударил осетра по спине. Осетр не ожидал этого. Хотя его острые щитки и ранили брюхо белуги, но сам осетр был оглушен.

Морской волк снова перевернулся на спину, мгновенно захватив его голову. Выпучив от натуги глаза, Морской волк проглотил изгибавшегося всем телом осетра.

Наконец-то можно беззаботно продолжать путешествие! Два дня будет перевариваться в желудке осетрина. Но хищному Морскому волку все было мало... Он повернул вправо, к заливу.

В это время вдоль залива спокойно шла убежавшая из плена сазанья стая. Впереди плыл Карпик, поблескивая меткой.

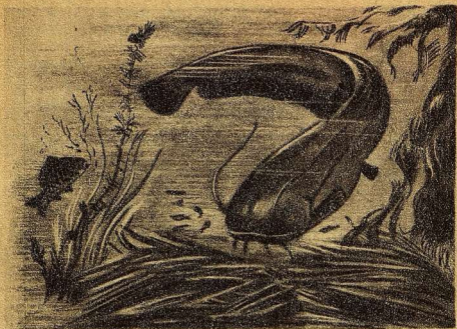
КОНЕЦ ПОВОДОДЬЯ

Прибыль воды уже прекратилась. Вода в реке стала прозрачной.

Карпик плыл, весело помахивая широким хвостом. Опасности миновали. Это очень хорошо! Однако пора и закусить. А раз так, надо сворачивать в залив. Только там, где теплее вода и где она медленнее течет к морю, много насекомых, молодых вкусных стеблей тростника и зерен.

Что это то и дело мелькает? Какие-то серебристые штучки. То они беспомощно, как попало, несутся по течению, то, может быть, собравшись с силой, поворачиваются навстречу текущему потоку.

Может быть, что-нибудь съедобное? Карпик отплыл от стаи и увидел маленьких, величиной с мизинец, селедочек. Селедочки были совсем, как взрослые, — такая же голова, широкий рот, темносиняя спинка и серебристые бока с серыми

плавниками. Только очень-очень маленькие. Как их много! Не пересчитать. Наверно, тысячи или миллионы. Просто каша из селедочек! Все юркие и все костлявые! Нет, это не еда, невкусно! То ли дело комариная личинка или стрекоза! Карпик повернул обратно к стае.

Сазаны между тем приближались к новому разливу. Тонкие ивы мерно покачивались под напором бегущих струй. На стеблях камыша чернел приставший сор. Далеко-далеко по воде тянулись нити водорослей. Листья водяных растений то показывались из воды, то снова прятались. У берега Карпик заметил кучу старого камыша. На таких кучах всегда сидят вкусные прудовики. Карпик быстро шмыгнул между стеблями и сразу остолбенел. Перед ним, сверкая злыми глазами, распутив длинные усы над раскрытой пастью, стояло громадное, голое (хоть бы одна чешуйка!) речное чудище — сом.

Сом медленно изгибал черное тело. Спина и живот сома были приплюснуты, а хвост, как широченная доска, загнулся в сторону. Сом стоял над своим гнездом, где среди обломков камыша прятались маленькие сомята. Карпик, не смея шевельнуться от страха, невольно наблюдал, как какие-то голые, большеротые головастики юлили взад и вперед. Даже рыбками нельзя было назвать этих безобразных детенышей сома.

Сом давно бы бросился на Карпика, если бы сейчас не был занят более важным делом — охраной своих сомят. Вдруг да кто-нибудь обидит их, пока он погонится за карпом. Поэтому сом, стоя на карауле у своего гнезда, только злобно посматривал на Карпика.

Карпик очнулся, дал задний ход, медленно отплыл от гнезда. Когда не стало видно в мутной воде злющих глаз чудища, Карпик что было силы бросился прочь.

Скоро он нагнал свою стаю. Лучи солнца проходили через воду, блестели на золотистых боках сазанов и от движения волн зайчиками играли на песчаной россыпи. Стая сазанов сильно уменьшилась, с тех пор как вывелись мальки. Искать еду, чтобы со вкусом и плотно пообедать, лучше порознь. Никто тебе не мешает, не выхватывает изо рта мотыля, не толкает в бока, и нет нужды торопиться, когда ешь. Соси сладкий корень кувшинки, а зернышко или красный червяк пусть пока полежат. Рядом никого нет, дойдет очередь и до них.

Карпик подлетел к толстобочному сазану, во рту которого болтался красный мотыль. Сазан сердито повернулся хвостом к Карпику. Не вступая в драку, Карпик посмотрел вокруг. Но на поверхности ни одной кобылки, ни стрекозы, ни бабочки. На дне не видно зерен; корни и стебли

камыша толсты и грубы. Около дна, правда, кое-где видны червяки, а по воде бегают жуки. Но мало, мало! Все успели съесть товарищи, приплывшие сюда раньше.

Карпик втянул в рот жучка. Жучок оказался жестким. Кроме того, от жука шел какой-то неприятный запах. Карпик пососал и с отвращением выплюнул. Жучок медленно пошел на дно.

Надо искать новые места, где еще никого не было.

Карпик отправился на поиски и плыл, пока не почувял мелкое место.

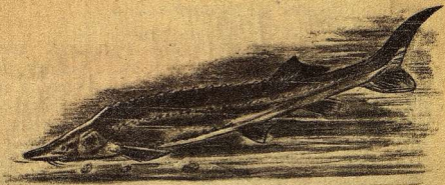
Надо пересечь мель, может быть там прудовики. Но тут Карпик увидел черно-зеленые спины стерлядей, сверкающих изумрудными глазами. Стерляди переползали по мелкому месту вереницами, прижимаясь почти вплотную к песчаному дну. Медленно поворачиваясь, они, точно слепые, ощупывали усиками песок: нет ли где притаившихся личинок? Крадучись двигались стерляди, ползком, точно какие-то змеи, обыскивая углубления дна и все норки.

Встречая стерлядей, Карпик всякий раз отплывал в сторону. Хорошо, что это редко случалось. Стерляди прячутся в холодной быстрине реки, где всегда полумрак, а Карпик любил тихие, теплые места.

Сегодня что-то не везет! Две встречи, и обе неприятные.

Таяние снега кончилось. Вода пошла на убыль. Спускаясь вниз по реке, Карпик чувствовал, как струи, текущие вдоль крутых берегов, стали слабее, чем раньше. На дне песок, ближе к берегу осыпавшаяся глина.

Хотя бы какая-нибудь покрытая зеленой ряской заводь попалась! Надоели эти камни и глубо-

кие берега! Есть хочется, а тут ни червячка, ни зернышка. Хотя бы кузнечик прыгнул в воду!

Ага! Вот наконец что-то живое! Карпик осторожно подкрался. Рот уже раскрыт. На воде, кружась на одном месте, плавала большая синяя муха. Еще немного — и Карпик смог бы закусить. Но вот горе: муха перевернулась вверх крыльшками и, жужжа, поднялась в воздух. Карпик хлопнул губами. Пузырек воздуха тотчас стал медленно подниматься. Усталый и голодный, Карпик направился отдохнуть в глубокой яме, заваленной черными, как сажа, голыми стволами деревьев, но запахло кувшинками — травой тихих заливов. Карпик несколько раз втянул и выпустил воду. Да, да, травянистый залив недалеко!

Не прошло и получаса, как ему начали попадаться затонувшие кустики ивы, а за ними отдельно стоящие камышинки.

На дне лежал слой серого ила. Низкий берег был почти вровень с поверхностью воды. Карпик обогнул заросли стрелолиста. Впереди показались стебли белой кувшинки, а за ними лютики, роголист, водяные сосенки и милая Карпику ряска, зеленым ковром покрывающая тихий залив.

ВЫСОХАЮЩИЙ ЗАЛИВ

Заводь, куда попал Карпик, с каждым днем становилась все меньше и меньше. Пройдет несколько дней, и заводь превратится в лужу, а затем за короткое время высохнет совсем. На сером илистом дне залива извивался красный червяк — личинка комара. Карпик с удовольствием втянул его в рот. Справа, слева, кругом плыли серебристые карасики. Какие они худые! Одни скелеты. Стая за стаяей. Сотня, другая, третья. Да здесь их тысячи, сотни тысяч! Черные кружочки раскрытых ртов, жадно ищущих пищу, мелькали повсюду. Карпик проталкивался сквозь строй спящих рыбок. Караси и сазанчики, по тридцать-сорок рыб вместе, гонялись за одним случайно упавшим на воду кузнечиком или мухой.

Целый день бродил голодный Карпик по заливу. Стебли камыша жестки, как деревяшка. Зерен и семян почему-то нигде нет. Кругом пусто, хоть шаром покати. Ни личинок, ни жуков, ни мелких рачков — никого! Все съедено местными жителями залива. Мимо Карпика вяло плыли голодные сазанчики. За ними гонялся прожорливый окунишка и жадно глотал отстающих рыбешек. Глаза сазанчиков были тусклы. На спинах уже белела плесень. Ребра ясно выступали из-под кожи, покрытой облезлой чешуей: рыбки давно голодали. Надо было уходить из этого залива. Вдруг Карпика накрыла тень птицы. В ту же минуту в воду просунулся узкий клюв цапли. Карпик бросился прочь. Чуть не попал на обед цапле! Карпик стал кружиться около стаи сазанчиков, приглашая их идти с ним к выходу. Покружившись, Карпик поплыл вперед. Сначала за ним хотя и медленно, но все-таки двигалась вся стая. Потом некоторые отстали, занявшись ловом бабочки-капустницы,

случайно сбитой ветром на воду. Когда же Карпик подошел к чистому месту, оставшемуся среди лопушника, оказалось, что за ним плыли только два черномазых сазанчика. Оба были худы, как щепки, хвостики побиты, мордочки чем-то испачканы, зато их глазенки внимательно следили за каждым движением Карпика.

Карпик сделал круг посредине залива. Пошевелив усиками, он уверенно поплыл к реке сквозь густую ярко-зеленую ряску. Черномазики веревочкой двинулись за ним.

Тысячи тонких, как лепестки, карасиков, отталкивая друг друга, жадно сосали зеленую ряску. Рыбки более слабые задумчиво стояли позади сильных, как бы ожидая своей очереди. На повороте, около кочки, в одного черномазика хотел вцепиться блестящий, словно покрытый черно-зеленым лаком, жук-плавунец. Сазанчик испугался, бросился в сторону и юркнул на дно. То же сделал и второй, хотя точно не знал, что случилось с товарищем. Может быть, «у страха глаза велики», а может быть, хорошо, что спрятался, после будет видно. Через минуту оба черномазика вытащили из ила свои головы. Отдуваясь, потряхивая жабрами и продувая ноздри, они бросились следом за Карпиком. Невдалеке еще был виден его широкий, разгребавший воду хвост.

Около омутка черномазики догнали остановившегося Карпика.

Может быть, показалось? Обман зрения? Сию минуту довольно быстро поднялся и скрылся крупный белый червяк. Червяк был такой тол-

стый, кожа на нем гладкая! А наверно, какой вкусный!

Карпик больше всего на свете любил таких червяков — личинок навозного жука. Он часто видел, как червяки и зерна, падая на воду, опускались на дно. Но чтобы червяк сам, своими силами поднимался на поверхность?! Больше того, этот белый толстяк, поднявшись, куда-то пропал. Куда? Карпик нарочно два-три раза проплыл около того места, где исчез лакомый кусочек. Жаль, что не догадался сразу подняться к поверхности и посмотреть, куда скрылся пузатый!

Выход из залива начинался сейчас же за омутом. Когда подошли черномазики, Карпик вместе с ними подплыл к выходу. Сазанчики ушли в реку, а Карпик вернулся. Хотелось еще раз взглянуть на то место, где он видел, собственными глазами видел жирного червя. А ну как червяк тут?

Вот радость! Над самым глубоким местом небольшого омута покачивался белый, с темнокоричневой головкой червь — личинка навозного жука.

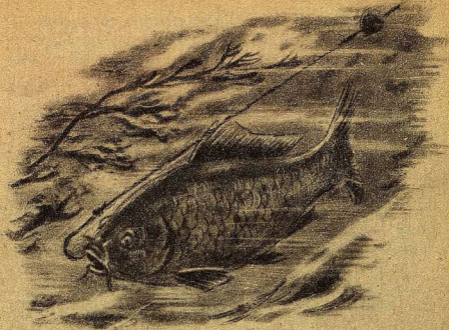
Карпик чуть было не набросился на лакомую добычу. Но прирожденная осторожность взяла верх. Показалось очень странным, что червяк, поблескивая гладкой кожей, висел в воде. Почему? Как это может быть?

Обычно Карпик брал червей со дна или подхватывал их в то время, когда они тонули. А этот висит на какой-то нитке.

Карпик осторожно подплыл к червяку. Тот с трудом, точно ему было больно, шевелился. Что-то мешало движениям червяка.

Карпик слегка прикоснулся усиком к червию. Червяк поежился. Сомнения не было — настоящий, живой червяк. А все-таки...

Карпик, вытянув насколько можно губы, по-

пробовал, очень легонько, пососать червя. Но только Карпик взял в рот хвостик червяка, как сейчас же выплюнул его обратно. Нить, на которой висела личинка, заколебалась. Что-то подозрительно! Карпик юркнул в камыши. Червяк по-прежнему медленно шевелился на том же месте.

Карпик снова подплыл к личинке. Тронул червяка раз, другой. Червяк качнулся. Но и на этот раз Карпик не решился взять червяка.

Послышался шум. Невдалеке показался горбатый окунь. Вот принесло его не во-время! Можно лишиться вкусного завтрака! Карпик быстро схватил червяка.

Резкая боль пронизала верхнюю челюсть. Уколовшись, Карпик бросился в камыши. Но что-то с большой силой тянуло назад. Предательская нитка! Карпик устремился в гущу травы, стараясь запутать и оборвать леску. Но леска крепко держала его. Что делать?

Карпик поплыл к берегу, к тому месту, откуда тянулась леска, но, не дойдя немного до берега, резко повернул обратно, к середине омута и, как стрела, бросился прямо.

Леска выдержала, не оборвалась! О, горе!

Стараясь ослабить леску и освободиться от крючка, Карпик бросился снова к берегу. Может быть, из ранки сам собой выпадет крючок. Напрасно! Ранка была еще мала.

Тогда Карпик завертелся на одном месте, как волчок. Леска тянула голову Карпика к берегу. Карпик зацепил ее за свой твердый луч спинного плавника. Зазубрины луча пилой прошлись по леске до поводка. Леска затрещала. Карпик резко дернулся раз, другой... леска лопнула.

Не помня себя от испуга, Карпик выскочил в реку.

СНОВА В РЕКЕ

Вода все спадала. Река постепенно возвращалась в свое русло. Молоденькие ивы, стоящие вдоль берегов, еще наполовину были затоплены. На их зеленых верхушках чернели гнезда грачей. Грачата оперились, но еще не летали. Взрослые грачи время от времени прилетали кормить птенцов. Тогда среди грачат поднимался неистовый шум и гам, как в большую перемену в школе.

Под водой на затопленных частях тонких стволов ивы, как пуговицы, рядами сидели крохотные улитки. Что может сравниться с такой вкусной пищей!

Карпик, сладко чмокая губами, отщипывал улиток со стволов. Широкая рана, из которой только недавно вы-

пал крючок, еще не заросла и болела. Обобраз кругом одно деревцо, Карпик спускался к следующему. Подплывая к пятой или шестой иве, Карпик услышал над водой шумный разговор грачат. Немного спустя сильная волна толкнула Карпика. Он перестал есть и насторожился. Что случилось?

Сквозь светлеющую воду показался черно-желтый усатый сомичье. А! Сом тоже услышал крики грачей на гнезде. Зубастое страшилище удивительно ловко обогнуло иву, наверху которой кричали птенцы. Сом, подплыв к поверхности, высунул усатую башку из воды. Вот хитрец! Он еще хочет посмотреть на грачат своими глазами!

Но тут сом ударил своим могучим хвостом по деревцу. Оно закачалось. Два грачонка упали в воду и один за другим исчезли в широкой пасти речного чудовища.

Жалко было оставлять улиток. Однако противный живоглот рядом. Кто его знает, что у него на уме! И Карпик поплыл в сторону.

Сделав по реке порядочный крюк, часа через три Карпик снова приблизился к берегу. Деревьев не было. Берег был крутой. Осыпавшаяся глина кусками лежала на дне. Кое-где со дна подымались тонкие стебли камыша, качающегося под напором течения.

Подплыв к стеблю, Карпик стащил прудовика. Съел. Затем нашел еще одного. Добыча невелика! Посмотрим, нет ли еще повыше, ближе к поверхности. Карпик медленно стал подниматься, внимательно осматривая камыш. Прудовиков не было. Карпик сделал еще два-три движения хвостом. Камыш рос высоко над водой. Как раз над уровнем воды сидел крупный прудовик. Карпику пришлось высунуть голову наружу.

Красная полоса заката озаряла небо. Над во-

дой проносились черные стрижи, пронзительно крича: «Иззз, иззз, иззз!»

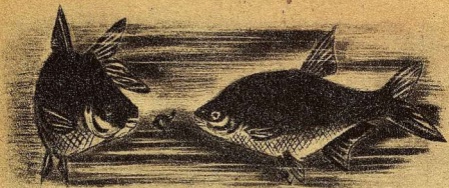
Карпик развеселился, выпрыгнул в воздух, штопором завертелся там и так булькнул в воду, что крупные волны раза два ударили в берег, где кружились стрижи. Знай наших!

Тут Карпика окружила стая мальков, скатывающихся к устью реки. Непрерывной лентой, шириной где в десять, где в двадцать метров, катился бесконечный поток сверкающих мальков: веселые сазанчики, пестрые красноперки, плоские лещики. Самый крупный малек не длиннее мизинца. Все заполнено рыбьей мелюзгой. Захваченный в плен, Карпик двигался вместе с мальками. Час, два, три, может быть даже четыре часа прошло, пока, постепенно отставая, толкая направо-налево заканчивающих шествие мальков, Карпик выбрался на свободу.

На середине реки Карпик заметил ползающих по каменистому дну каких-то черных маленьких рыб. Острые трехгранные головы с усиками около рта, чуть заметные глаза, ряды крошечных костяных кнопок по спине и бокам напомнили Карпику что-то знакомое. Присмотревшись, Карпик отвернулся. Ведь это же белужата! Ужасное отродье! Вырастут и начнут глотать мирных жителей рыбьего государства.

Потряхивая плавниками, Карпик, не оглядываясь, быстрее поплыл к высокому берегу.

Вода почти прозрачна. От берега выступает подводная гряда. Камни, вынесенные весенним потоком из оврага, лежат полукругом, задерживая течение. Сюда-то и направился Карпик. Он надеялся найти червяков, смытых дождями в реку. Немного не дойдя до гряды, Карпик встретил несколько крупных лещей. Лещи, сгрудившись кучкой, ловили со дна крупных земляных червей,

медленно извивающихся на песке. Одного за другим стал глотать Карпик жирных, толщиной с карандаш червяков. Мирным лещам пришлось поосторониться. Вдруг один из лещей, плывших впереди Карпика, как-то странно забился. Лещ порывался, но не мог плыть вперед и дергался всем телом назад. Что-то мешало лещу свободно двигаться, не пускало его ни пройти, ни вернуться. Лещ не мог и подняться к поверхности или опуститься на дно. То ли водоросль, то ли какая-то петля охватила леща кольцом. Выпучив глаза, работая всеми плавниками, лещ оставался живым и здоровым, но выбраться из петли не мог. Сеть не пускала леща, запутавшегося в ее ячее, как муха в паутине.

Осторожно Карпик подплыл к сети. Тихонько тронул усиками и понюхал пеньковую нитку. Как будто бы ничего страшного нет, только какие-то, еле заметные в воде нити. Да и нити не сплошь загораживают дорогу, а имеют оконца. Кажется, так легко и просто пройти сквозь эти окна. Но травой не пахнет. Нет! Подозрительно! Карпик повернул от берега. Медленно поплыл он вдоль сети в глубь реки. Бедняжка лещ, уставший биться, как-то боком висел в ячее. Его выкатившиеся глаза налились кровью, плавники смялись, чешуя местами сбилась.

Карпик взглянул на леща. Эх, глупый! Не догадался обойти сеть!

Попрежнему неторопливо Карпик продолжал плыть дальше. Проплыв метра четыре, он увидел второго леща, также застрявшего в сети. Лещ этот, старый и крупный, натянул на себя ячею до серого спинного плавника. Нить сети глубоко врезалась в спину и брюшко леща, прочно удерживая его. Карпик осторожно двигался дальше. В воде показалась привязанная к сетке веревка, толщиной со стебель старого камыша. А за веревкой рыбацкой сети уже не было.

Карпик обошел сеть, оглянулся, выпустил пузырьки воздуха и оставил позади опасную грядку.

ПРИВОЛЬНЫЕ МЕСТА

Вот и в речной воде сделалось так же тепло, как весной в мелких разливах. Особенно душно к вечеру, после жаркого дня. Вода теплая, и воздуха в ней так мало. Карпик любит тепло. За последнее время брюшко у Карпика отросло. Чувствуется, что под кожей вырос жирок. Спина стала здоровенная, пальца в четыре-пять толщиной. Лучпила стал еще тверже и больше. Теперь не страшна какая угодно леска; даже металлическая струна и та не выдержит! Бока покрылись, как броней, золотистой чешуей. Чешуя блестит ярко-ярко, не только когда гуляешь на мели, где много света, а даже и на большой глубине. Глаза веселые, золотистого цвета. Вот только на губе ранка. Правда, рана заросла и даже почти незаметна. Да на щеке что-то еще осталось. Но Карпик так привык, будто бы родился с меткой.

Место, где откармливался Карпик, было чудесное. Широкий проток между луговым берегом ре-

ки и большим островом. В глубине острова росли кудрявые березки. Старые ивы легли зелеными ветвями на воду. Бабочки, стрекозы, кузнечики разноцветной толпой летали и прыгали повсюду. А какие крупные, разного цвета жуки ползали в траве! Рано утром или перед заходом солнца, когда пробегает свежий ветерок, очень часто кто-нибудь из веселых музыкантов падал в воду. Не рассчитает прыжок или порыв ветра собьет, вот и пропал! Кружись на воде, пока не схватят тебя чьи-нибудь жадные губы.

А дно! Какое здесь отличное дно! У обрыва черный омут, заваленный потонувшими деревьями, дальше подводный лес из водяных сосенок, роголиста, лютиков, — словом, всего не перечислишь! Потом начинается чистая-чистая мель, за мелью опять глубокое русло, где вода быстро несется. А там, у противоположного берега, поднимаются белые и желтые кувшинки, камыш и молодой ивняк. Вот где раздолье! Все есть, что надо! На мели извиваются червяки, в зарослях зерна водяных растений, у берега прудовики, катушки, а сверху падают кузнечики, капустницы, поденки и наконец, на сладкое, из земли выползают личинки майского жука!

Конечно, в таком приволье прибавишь в весе!

Карпик жил здесь третий месяц. Еще до рассвета, выйдя из омута, он отправлялся на охоту. У обрывистого берега, где лежит упавшая ива, есть мысок. Отличное место! Днем, в жару, Карпик прятался в омут. Подремывая, он стоял в

омуте до того времени, пока появлялся в воде блеск первой звездочки. Тогда снова осторожно выбирался на середину протока или к камышам.

Словом, здесь все бы хорошо, только есть соседство не совсем приятное. Где-то неподалеку в глухой части омута живет страшилище сом, а около мыска в камыше прячется щука Голубое перо.

Сейчас Карпик осторожно подплывал к мыску. Так и есть! Около песчаного берега неподвижно, как обрубок, лежит щука. Глаза ее, казалось, были закрыты, морда опущена на песок, серо-зеленое туловище, пересеченное желтыми пятнами, неподвижно. Только хвост чуть-чуть шевелится.

Карпик прошелся мимо щуки раз-другой и отплыл к камышинке, на которой выше уровня воды сидели улитки. Высунув голову из воды, он украдкой глотал их. Щука не шелохнулась.

В это время на песок, посвистывая, опустились серенькие длинноногие кулички и быстро забежали вдоль берега, оставляя на влажном песке четкие следы. Крупный куличок с черными перышками на спине побежал по песку и забрел по брюшко в воду. Щука стремительно бросилась и схватила его за ноги. Долгоносик успел только жалобно пискнуть. Зубастая хищница мгновенно проглотила беднягу и уплыла вглубь.

Карпик перестал есть. Даже не заметил упавшую на воду бабочку. Пожалуй, лучше уйти на дно!

Не успел Карпик коснуться дна, как что-то

больно укололо его. Живой колючий шар завозился под боком. Ах, это ерш, донный житель!

Взъерошенный, с громадными выпученными глазами, ерш, весь покрытый слизью, растопырил толстые колючки. Серо-зеленый хвост его был загнут набок. Ночной бродяга, ершище, приготовился к драке. Зачем спасаться бегством? От кого? Добро бы от налима, а то какой-то сазан! Порядочный ерш всегда постоит за себя, даже перед щукой! На то у него и острые колючки на всех плавниках. Ну-ка, сунься — кто кому наложит!

Ерш, ощетинившись, ждал нападения. Карпик быстро отступил.

Только что Карпик стал подплывать к середине русла, как в верхнем слое воды сверкнула крупная белая рыба. Длинное тело красавца лосося было одето жемчужной чешуей, ярко блестящей на боках. Спина его, голубого цвета, красиво выделялась в прозрачной воде. Желтоватым

блеском светились жемчужные глаза. Сильным ударом широкого хвоста лосось оглушил несколько штук из стайки робких уклек. Уцелевшие пустились наутек. Оглушенные рыбешки перевернулись вверх брюшками. Завертевшись на месте, уклейки всплыли на гребень волны, образовавшейся от удара лосося. В ту же минуту они одна за другой исчезли в раскрытой пасти. Лосось сде-

дал круг. От торчащего вверх спинного плавника пошел по воде широкий вал.

Карпик, наблюдавший это происшествие, вдруг сам почувствовал сильный толчок. Толчки стали равномерно повторяться. В воде от дна до поверхности, видимо, что-то двигалось по направлению к Карпику.

Он испугался, бросился в противоположную сторону и со всего разбега ударился лбом о толстую сеть, преградившую ему дорогу. Так же стремительно он махнул в сторону, вглубь.

У самого дна, тихо шурша тяжелыми грузилами, шла ему навстречу стена из толстых черных нитей. Невод! Карпик попробовал зарыться головой в песок дна. Может быть, ужасная стена невода скользнет по телу и он уйдет из плена? Нет! Грузила были чересчур тяжелы и очень плотно прижимали ко дну нижнюю веревку невода.

Куда бежать? Где спасенье? Карпик выскочил на поверхность и проплыл несколько метров, высунувшись из воды. Черные, колыхающиеся на воде полавки невода дугой охватили часть протока. Оба его конца были уже на берегу. Деваться было некуда!

Мимо Карпика суетились, бегая туда и обратно, уклеи, окуни, головли. Вот пронеслась щука и ударила мордой в стену невода. Глупый судак, еще не сознавая гибели, глотал беззащитных уклеек. Карпик стремглав бросился к берегу. Отходя назад, он увидел лосося. Протискиваясь сквозь кашу рыбьих тел, голов и хвостов, Карпик поплыл за ним. Лосось ускорял ход. Крупные волны шли от сильных ударов его хвоста. Крепкие мускулы рыбы напряглись. Внезапно лосось согнулся в дугу, затем, мгновенно выпрямившись, одним прыжком выскочил из невода.

Спасибо за науку! Карпик подплыл к прибли-

жающимся поплавам, изогнул что было сил туловище и, ударив хвостом, «свечкой» выпрыгнул из воды.

На берегу раздались крики.

Карпик, перепрыгнув верхнюю веревку невода, боком шлепнулся в воду и юркнул в омут.

«Век живи — век учись!» А прыжкам надо учиться только у лососевой породы, первых прыгунов рыбьего государства!

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Карпик долго не выходил из своего убежища.

Однако не век здесь сидеть. В протоке хотя и сытно, но стало опасно. Вода убыва, меньше простора, того и гляди попадешь рыбакам на уху. Приближается холодное время. Надо пробираться

к устью реки, поближе к зимней квартире. Здешние места зимовки неизвестны.

Карпик осторожно поплыл протоком.

Вот и золотистая отмель! Прощайте, стрекозы и бабочки!

Карпик отошел от берега и глубокой бороздой, соединяющей старое русло с новым, выплыл на большую дорогу реки.

Каким путем итти к морю? Вдоль берега или самым глубоким местом? Пожалуй, лучше держаться берега. Здесь теплее вода, побольше червяков и зерен. Может быть, даже попутчик найдется. Правда, у берегов, особенно в корягах, любят жить обжоры сомы и стоят в засаде нена сытные щуки, зато посредине реки бродят белуги. От сома, от щуки можно отвертеться, а от белуги, пожалуй, другой раз и не спасешься!

Карпик шевельнул хвостом вправо. Он поплыл, не теряя из виду тонкие стебли растущих у берега кувшинок.

К вечеру вода почернела. Конечно, можно было итти и ночью. Карпик хорошо чувствовал, где мель, где глубоко, кто плывет навстречу. Однако ночью лучше отдохнуть и спокойно постоять, уткнувшись носом в листик лопушника. Карпик так и сделал.

Ночь прошла незаметно. Рано утром Карпика разбудили жуки-водомеры. Чудаки с ранней зари начали бегать, как на лыжах, взад и вперед по поверхности воды, над самой головой. Снуют туда и сюда, точно им делать больше нечего!

Для еды не годятся! Совсем не вкусные: жесткие и липкие.

Карпик хлопнул губами. Пузырек воздуха поднялся и лопнул. Водомеры, испугавшись, разбежались.

Вдруг сверху послышалось звонкое кваканье.

На блестящем, словно покрытом лаком листке сидела зеленая лягушка. Выкатив огромные глаза, расставив длинные задние ноги, певичка заливалась во весь голос: «Як-ко-ва! Як-кко-ва! Врррра! Врррра! Врррра!»

Помолчит с минуту, а потом опять: «Якк-ко-ва! Якк-ко-ва! Врррра! Врррра! Врррра!»

Неожиданно легкий толчок заставил карпика повернуться. Сквозь стебли роголиста он увидел еще одного внимательного слушателя. Желтобрюхий сомище, распустив усы и запрокинув черную башку, с наслаждением слушал лягушье пение.

Очень осторожно поворачивая голову во все стороны, сом старался увидеть, на каком листе расположилась лягушка.

«Якк-ко-ва! Врррра!» снова очень громко квак-

нула лягушка, приподнявшись от старания на лапках. Лопух заколебался, по воде пошли легкие круги. Этого было достаточно, чтобы зеленая кваква невольно указала место, где она сидела.

Карпик, почувствовав приближение сома, отодвинулся назад. Чудище, скрываясь за листьями, крадучись подплыло к лягушке. Не успела она пустить трель еще раз, как быстро исчезла в зубастой пасти сома.

Потихоньку, прячась за траву, Карпик обогнул опасного соседа. Когда не стало видно стеблей роголиста, Карпик помчался, как моторная лодка, давшая полный газ.

Только в полдень Карпик остановился, чтобы отдохнуть. Вокруг ничего съедобного! Только на грязных, обросших корягах неподвижно белели толстые пластинки губки-бодяги. Жесткие, как кремь, — разве это еда!

Но тут вода потемнела, как будто уже наступал вечер. Свет стал прерываться и часто-часто мелькать. Послышался гром. Карпик отыскал громадную корягу, полузанесенную песком, и залез под толстый, покрытый зеленым мхом корень. По воде застучала дробь дождя, поднялся шум, перешедший в непрерывный гул. Сразу стало темно, как ночью. В это время Карпик почувствовал, что кто-то еще спрятался под корягой.

Внезапно налетевшая гроза так же быстро ушла. Стало светлее. Карпик не шевелился. Очень хотелось посмотреть, кто это сидит под корягой. Но... надо быть осторожным! Кто его знает! Лучше выждать.

Проскочил черный жук-водолюб. Слизняк-прудовик начал вылезать из своей зеленой раковины. Какие-то рыбки сверкнули и рассыпались в стороны. За ними с раскрытым ртом мчалась полуметровая щука. С разбегу она чуть было не удари-

лась о пень. Раскрыв плавники и свернув набок украшенный желтой лентой хвост, щука задержалась у корневища, где переждал грозу Карпик.

В тот же миг из-под коряги выскочила другая щука в метр длиной. Вот кто прятался рядом с Карпиком! Стрелой бросилась она на неосторожную щуку и, как удав, схватила ее за голову. Острые загнутые назад зубы крепко держали захваченную добычу, но проглотить ее хищница-щука не могла: пойманная щука не проходила в глотку. Хвост и добрая половина ее торчали из пасти. Карпик видел какое-то рыбе чудовище о двух хвостах. Извиваясь змеями, сверкая желто-красной каймой, щучьи хвосты били то один, то другой. Узкий вдавленный череп нападавшей хищницы отливал зеленым цветом. Злым блеском горели глаза.

Выскочив из-под корня, Карпик прыгнул что было силы в воздух. Нырнув снова в воду далеко от места схватки, он с невероятной быстротой бросился вглубь.

Куда глаза глядят! Только бы поскорее скрыться от хищников, пожирающих даже друг друга!

Убегая вниз к устью большой реки, Карпик только косился на сверкающих в воде пестрых судаков. Мимо него мелькали красноперые окуни, гоняющие малявок, буро-зеленые раки, высывающие черные клещи из норок, быстрые жерехи-шересперы, одним ударом хвоста оглушающие сразу десяток уклек, храбрые колюшки, смело отгоняющие врагов от своих крепко и уютно сделанных домиков-гнезд. Много разных рыб и рыбешек, населяющих низовье могучей реки, встретил Карпик на пути к зимней квартире.

Ближе к устью течение становилось все медленнее и медленнее. Если раньше достаточно было ударить раза два хвостом, чтобы проплыть

десяток метров, то теперь надо пошевеливать им гораздо чаще.

Наконец течение стало почти незаметно. На дне появился мелкий ил. У берегов, как забор, рос толстый камыш. На гладких стеблях, плотно прилепившись, сидели слизняки-прудовики. Прикрепившись нижними присосками к затонувшим веткам тальника, кольчатые пиявки плавно покачивались в разные стороны, выискивая, к кому бы присосаться.

Карпик достиг цели своего путешествия. Вот широкий простор многоводной реки. Можно отдохнуть.

ПЛЕН

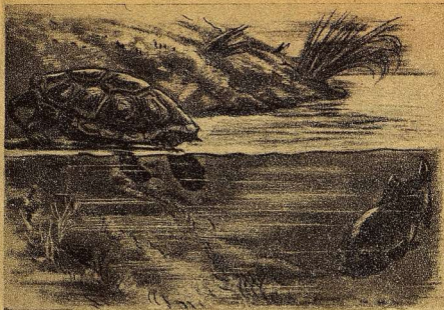
Но отдохнуть Карпику не пришлось. Он сразу попал в моряну. Холодную воду сильно рябило. Глухо доносились порывы ветра. Течение реки, вместо того чтобы итти на юг, к морю, очень медленно, но все же двигалось на север.

Карпик медленно поплыл вперед. Встречное течение, идущее со стороны моря, делалось сильнее и сильнее. Стебли растений повернулись в сторону, обратную той, куда плыл Карпик.

Вверху раздавался шум прибоя и плеск волн, гонимых ветром с моря. Карпик ясно чувствовал привкус соленой морской воды, которую пригнал в устье реки южный ветер.

Волнение стало захватывать нижние слои воды. Со дна ил поднялся наверх, полез в рот. Карпик тряс жабрами, вертелся на месте, не зная, куда бы скрыться. Повернувшись по течению, стараясь поменьше раскрывать жабры, он поплыл обратно, как слепой, не распознавая водяные тропы.

Карпик ткнулся носом в песок — это была под-

водная мель. Наконец он нашел защищенное от затхлого ила укромное местечко. Здесь можно было переждать моряну.

Это был маленький заливчик, вроде большой миски, сделанной из песка. Вход, стены, дно — кругом один песок, смешанный с мелкой ракушкой. Карпик прижался к гладкой песчаной стене.

После полудня ветер стих. Не слышно было наверху шума и плеска, волнение стало затихать, муть осаждаться, а вода светлеть. Река снова потекла на юг, к морю.

Карпик собрался уже уходить из своего заливчика, как вдруг у входа появилась черная змеиная голова. Карпик так испугался, что даже не мог всплыть к поверхности. Как стоял, прижавшись боком к стенке, так и остался недвижим. Головка медленно поворачивалась направо и налево, вверх и вниз. Совсем как заводная игрушка!

Но вот за головой высунулась длинная вертлявая шея. Потом так же медленно появился темно-

зеленый с желтыми пятнами черепок. Из-под спинного щита-черепка показались черные перепончатые лапки и скрюченный хвостик.

Ба! Черепаха! Болотный житель! Вот перед кем струсил!

Карпик распустил плавники. Надо итти к тростнику позавтракать. Замутив хвостом воду, он выплыл из заливчика на мель.

Резкий шум, хлопанье, толчки воды ошеломили Карпика.

Не успел он опомниться, как его оттолкнула испуганная стая уклек. Тотчас же с другой стороны навалилась стая спасавшейся чехони. Рыбы в страхе метались на мели, повидимому окруженные со всех сторон.

Прорвавшись сквозь стаю чехони, Карпик наткнулся на стаю бакланов. Огромные черно-зеленые птицы плотным полукольцом окружили мель. Птицы хлопали мокрыми крыльями, отпугивая чехонь к берегу, на мель. Черные перепончатые лапы, образуя живую дугу, грузно шагали в ряд по дну. Пугливой чехони невозможно было проскочить между лапами бакланов. Там, где было поглубже, бакланы, ныряя, хватали длинным, загнутым на конце клювом добычу. Постепенно суживая полукольцо, мрачные охотники за рыбами старались загнать стаю чехони в мелкий залив, чтобы тут же всю ее съесть.

Карпик, не жалея себя, протиснулся между лапами бакланов и выскочил на чистое глубокое место.

Голод погнал его прямо к берегу. Но дно у берега показалось ему что-то чересчур ровным: без углублений, без выступов, без коряг, камней, как будто кто-то убрал отсюда все, обо что можно было бы изорвать рыбацкую снасть. Такого ровного дна Карпик никогда еще не встречал.

Он настороженно остановился. Мимо быстро проплыли три сома, не обращая внимания на Карпика.

Вслед за сомами бежали вереницей лещи и подлещики. За ними спешили судаки, лини и вихрем проносились пестрые щуки. Что случилось?

Карпик, чуя недоброе, продолжал плыть вперед, один, не поворачивая вместе с рыбьим стадом. Осторожно продвигаясь вдоль берега, он наткнулся на беспорядочную стаю воблы. Навстречу вобле надвигался огромный невод! От дна до поверхности он захватывал все сплошной стеной.

Глупая вобла старалась пролезть сквозь ячею невода. Малявкам это удавалось, и они, махая хвостиками, быстро скрывались из виду. Рыбешки покрупнее пролезали в ячею до половины тела и, покачиваясь, как игрушки на елке, висели в неводе. Самые крупные рыбы стучались лбами о невод, пробить его не могли и бросались в обратную сторону.

Почувяв смертельную опасность, Карпик бросился к вершине дуги, образуемой неводом, желая перескочить. На этот раз верхний край невода высоко держал один из рыбаков, сидевший в лодке. Карпик выпрыгнул из воды, больно ударился о стенку невода и упал обратно.

Тотчас же он опустился на дно, выискивая хоть какую-нибудь ямку, чтобы спрятаться. Нет, ямки не было, дно было гладко, как стол. Карпику не удалось подвернуться под нижний край невода. Тяжелые глиняные грузила больно ударили его по голове. Веревка, идущая по низу невода, подхватила Карпика и подбросила его к берегу.

Стрелой полетел он к надвигающейся стене и что было силы ударил в невод, надеясь прошибить его. Невод был новый, крепкий. Больно уда-

рившись, Карпик, обессиленный, упал на песок. Выхода не было!

Невод подтянули к берегу. Сомы, судаки, лещи, сазаны, лини прыгали, били хвостами, наваливались друг на друга, ломали хвосты себе и другим. Чешуя сбивалась, со дна лезла неприятная мусть. Жабры были сдавлены телами тысяч пойманных неводом рыб.

Через тонкий слой воды слышались людские голоса. Что-то сильно ударило по воде, а затем несколько рыб поднялись на воздух в большом сачке.

Вдруг Карпик почувствовал, что какая-то сила подхватила его. Громадный сачок поднял на воздух Карпика и бросил его в воду пловучей лодки-прорези.

Повернувшись, Карпик тотчас же столкнулся с сомом. За сомом тесными рядами стояли сазаны, лежали на боку ослабевшие лещи и задыхающиеся помятые лини.

Становилось трудно дышать. Вода была грязная от слизи и опавшей чешуи. Теснота ужасная! Кругом живая стена рыбьих тел. Карпику удалось все-таки протиснуться к боку лодки. В черной, пахнущей смолой доске были прорезаны щели, чтобы в лодку могла проходить свежая вода из реки.

Карпик, прижавшись к отверстию и широко раскрыв жабры, жадно втягивал холодную чистую воду.

За этими смолистыми досками Карпик чуял волю, родную реку, водный простор, без которого он не мог жить.

Прорезь колыхнулась. На Карпика навалились лещи, оттеснили его от щели. Снова затхлая вода, наполненная плавающей слизью, чешуей, обрывками травы и сором. Душно! Душно!

Карпик обо что-то укололся. Перевернувшись вверх брюшком, выкатив побелевшие глаза, рядом с Карпиком колыхался мертвый судак. Даже отодвинуться было некуда.

Что же ждет его впереди?

ПОБЕГ

Еще два раза с шумом и плеском наполняли прорезь живыми лещами и судаками. Загремели доски. Несколько толстых досок легли в длину и закрыли прорезь сверху, чтобы не выскочил какой-нибудь ловкий пленник.

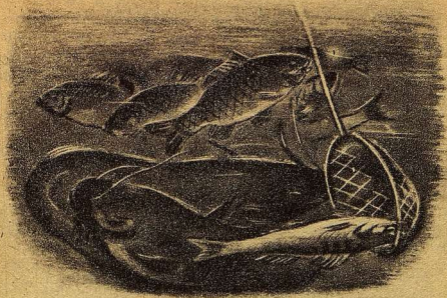
В прорези стало совсем темно. Пароходик, к которому лодка была привязана, свистнул, отправляясь на рыбный завод. Вдоль лодки снаружи журчала вода. Прорезь качнулась. Всколыхнулась темная холодная вода в прорези и вместе с водой ослабевшие рыбы.

Карпик стоял рядом с черным сомом. Один ус у сома был наполовину оторван и неподвижно торчал, зато другой, длинный и плоский, беспрестанно изгибался в разные стороны, ощупывая все кругом.

Холодная вода студила кровь. Карпику не хотелось двигаться, и только левым глазом он косился на своего усатого соседа. Сом, плотно закрыв пасть, смотрел вверх. Узкие щели между досками, закрывавшими прорезь, четко светились в темноте.

Мутная вода в прорези забивала илом жабры. Карпик реже раскрывал рот.

Рядом заворочался полосатый судак. Сор залепил нежные жабры судака, он задышался. Глаза его заволоклись мутной пленкой. Последний раз шевельнув плавниками, судак уснул навеки.

Пароходик шел быстро. Время от времени нос прорези поднимался. Тогда Карпик и все остальные рыбы, толкая друг друга, сбивались в угол, в сторону кормы. Через минуту волна проходила под кормой, и все валились обратно.

Вверху по доскам затопали. Блеснул свет. С шумом открылась доска, крайняя к борту прорези, за ней сдвинулась другая, лежащая рядом.

В просвете появились тени. В воду быстро спустилась громадная сетка. Деревянный обруч задел Карпика по боку. Сачок подхватил уснувшего судака. Сетка с судаком поднялась и исчезла в светлой полосе. Снова загрохотала и опустилась доска. Застучали шаги.

Карпик посмотрел вверх. Первая от края судна доска лежала не плотно и не вровень со второй доской. Красноватый свет заката проходил в образовавшееся отверстие.

Неожиданно зашевелился сосед сом. Растолкав навалившихся на него лещей, он для чего-то упер-

ся головой в дно лодки. Затем вывернул наружу свой длинный плоский хвост. Нажимая на мешавших ему лещей, сом, стоя торчком на голове, лег на бок прорези. Старый хитрец осторожно просунул хвост, как клин, между доской и бортом. Доска подвинулась, отверстие стало шире. Сом, как искусный гимнаст, ловко загнул кончик хвоста через борт. Продолжая подниматься, он перегибал туловище через наружный край прорези. Перегнувшись наполовину, сом быстро перемахнул из лодки в реку.

Поминай как звали!

Не теряя времени, Карпик, собравшись с последними силами, выпрыгнул вслед за сомом. Счастливейший миг!

НА ЗИМОВКЕ

Катились холодные, неприветливые волны. Надвигалось зимнее время. Карпику было холодно.

Он остановился. Кровь, остывшая, все медленнее и медленнее двигалась в теле.

Вдруг какое-то внутреннее чутье заставило его встрепенуться.

Так можно, не заметив, уснуть здесь! Это очень опасно! Здесь мелко, замерзнет река, закроется толстым слоем льда, нечем будет дышать. Скорее искать глубокую яму!

Карпик, с трудом двигая плавниками после сидения в прорези, еле-еле выплыл на стрежень.

Во-время!

Сотни три сазанов шли мимо, спускаясь в устье на зимовку. Карпик пристал к стае и поплыл позади всех.

Плыли долго. Поворачивали то налево, то направо. Карпик шевелил хвостом и равнодушно шел за всеми. Наконец стая остановилась.

Карпик очнулся. Сазаны стояли у того самого залива у берега возле подводной мели, куда Карпик прятался от бури.

Вот и мель, где охотились за чехонью бакланы.

Постояв немного, сазаны тронулись дальше. Не успела стая проплыть и ста метров, как попала на глубокое место. Не здесь ли провести зиму?

Трехэтажный дом мог бы поместиться в этой котловине. Вот какой глубины была яма! И тянулась она в длину на километр, в ширину же занимала почти весь рукав реки.

Сильный поток воды падал со склона котловины, проносился по ее дну и протекал дальше к морю.

Да, здесь стая может отлично перезимовать и не задохнуться подо льдом, покрывающим реку.

Стая начала опускаться. Карпик видел под собой серые толстые спины, а над головой — желто-бурые с красными плавниками брюшки сазанов. Один за другим спускались зимовщики. Все как один поворачивались головами против течения. Плотно прижавшись один к другому, сазаны не плескались, не шумели.

Плывущий ниже Карпика лобастый сазан остановился. Он почти коснулся какого-то черного блестящего предмета. Карпик увидел лежащих на дне ямы сомов.

Сомы, как дрова, лежали сплошным пластом, в один ряд. Головы сомов были в илу до самых передних плавников. Спускавшиеся сазаны совершенно без страха укладывались слоями поверх своих злейших врагов. Сомы сейчас мирно почивали, как на пуховой постели, в мягком илу.

Холод остудил рыбью кровь, лишил желания есть, сделал сомов неподвижными и погрузил их

в глубокий зимний сон. Немигающими глазами смотрел Карпик в прозрачную ледяную воду. Легкие толчки давали знать о приходе новых стай. Карпик слышал над собой слабое движение плавников, чуть заметное дыхание собирающихся на зимовку рыб.

Тело его холодело. Пробежала мелкая дрожь. Все внутри сжалось. Сквозь чешую на всем теле выступил слизистый слой. Слой делался толще и толще. Как приятно! Тепло, как под шубой!

Карпик попробовал шевельнуться, но уже не мог: он крепко уснул на всю зиму, до весны.

* *

*

Снова пришла весна.

Солнце светило так ярко, что было больно смотреть на небо. Река блестела. Чайки с криком ле-

тали над неводом. Рыба громадными стаями шла в реку.

Рыбаки день и ночь работали на лову. Надо не пропустить хороший ход рыбы, быстрее погрузить и отправить улов на завод, чтобы было больше рыбных консервов, сушеной и свежей рыбы.

Женя перешел с отцом из дома жить в избушку, на берег. Здесь кипела работа. Четко стучал мотор, зубчатые колеса лебедки вращали вал, накручивая канаты, тянущие невод. Каждый замет невода захватывал сотни центнеров сельди. Рыбаки, как муравьи, сновали от невода к прорезям, перекладывая в них сверкавшую чешуей рыбу. Часто прибегал пароход, захватывал груженные прорези и тотчас уводил их на рыбный завод.

Днем Женя помогал записывать счет живой и вес уснувшей рыбы. Вечерами вместе с отцом подсчитывал улов, переписывал телеграммы, где сообщалось, сколько поймано за день, и бежал с ними на почту.

Вчера днем — вот была радость! — поймали двух рыб с меткой.

Послали телеграмму, приглашая приехать из города рыбовода.

Сейчас Женя, стоя на корме прорези, махал белым платком, встречая приближающийся к берегу пароходик. На носу судна стоял знакомый рыбовод.

Пароход подошел.

— Здорово, Женя! Рассказывай, какие радости! — весело заговорил рыбовод, грузно шагая по сходням на прорезь, где стоял Женя.

— Радостей много! Вчера поймали рыбу с меткой, — ответил Женя, здороваясь с рыбоводом. — Мы посадили ее отдельно. Вон, в маленькую прорезенку. Да идемте, идемте скорее! — торопил

Женя толстяка, осторожно спускавшегося через корму лодки на берег.

Оба чуть ли не бегом направились к небольшой прорези, стоявшей отдельно. Женя выхватил из воды сачком тощую белую рыбину. Это был лосось, белорыбка, как его зовут еще. Рыба не двигалась.

— Ах, уснул! Жалко! — воскликнул Женя. — Вон, смотрите, метка!

— Да-да, метка! — согласился толстяк. — Этот лосось все равно не выжил бы. Очень слабый. А метка должна быть наша.

Толстяк сунул руку в широкую сумку, висевшую через плечо, и вытащил помятую тетрадь-журнал.

— Какой там номер на метке? — раскрыв тетрадь, спросил он Женю.

— Номер 22, — прочел Женя.

— Так и есть! Вот моя запись: «Белорыбица, размер 95 сантиметров, вес 9 килограммов, помечен номером 22. Выпущен 2 октября». А теперь давай-ка взвесим! — Толстяк достал пружинные весы, поддел рыбу на крючок весов и, приподняв, отсчитал: — Четыре килограмма! Смотри, Женя, на пять килограммов похудел.

— Почему? — спросил Женя, укладывая рыбу на корму.

— Видишь, белорыбка в прошлом году вышла из моря в реку, поднялась больше тысячи километров до верховых истоков, метала там в октябре или ноябре икру и теперь возвращалась обратно в море. Сколько сил истратила!

— Вы для того и метите рыбу, чтобы знать, куда она идет?

— Да. Но еще можно узнать, как растет рыба, где и когда метала икру. Узнав рыбы пути, мож-

но сказать рыбакам, когда и где выгоднее всего ловить рыбу. Понял? — улыбнулся рыбовод.

— Понял!.. А я вам подарок приготовил! — покраснев от удовольствия, выпалил Женя, снова опустив сачок в прорезь.

— Вот не ждал! Что ж такое?

— Смотрите! — Женя поднял из воды сачок. Раздался плеск, полетели брызги.

— Держи, держи его! — кричал толстяк, утирая рукавом мокрое от брызг лицо.

Женя, улыбаясь, поднес к рыбоводу вертевшегося в сачке сазана.

— Здоровый дядя, а?.. Да карп-то с меткой! — обрадовался толстяк. — Вот твой неожиданный подарок! Сейчас мы его разделаем! — Толстяк выхватил из сумки полотенце и быстро закутал в него сазана.

— Как бы не задохнулся! — испугался Женя.

— Что ты! Карп живучий! Женя, посмотри в тетради раздел второй, март месяц прошлого года, номер... номер... — Толстяк отвернул конец полотенца, посмотрел метку и dokonчил: — Номер 33! Нашел?

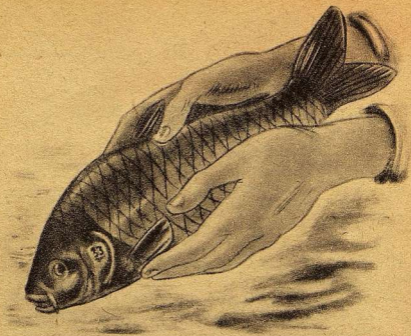
— Нашел! Неужели это тот самый сазан? Помните, весной метили?

— Тот самый, старый знакомый... Ну, вешаю. — Рыбовод зацепил крючком весов полотенце с завернутым в него сазаном и поднял перед собой. — Два с половиной килограмма. Сколько там записано?

— Килограмм пятьсот! Как занятно! Сазанчик почти на килограмм пополнил, — радовался Женя.

— Да, молодец карп! Кушал отлично! Теперь посмотрим, как он рос. Женя, достань из сумки метр.

Толстяк осторожно развернул полотенце и положил сазана на доску.

— Держи его, Женя! А то карп хитрый!

Женя положил обе руки на сазана. Карпик притаился, только вздрагивал усик на его верхней губе.

— Тридцать шесть сантиметров! Добре! — похвалил толстяк.

— Как же «добре»? — возразил Женя. — Это ма-а-ло!

— Да карп больше в толщину прибавляет, чем в длину. Совсем как породистая свинушка! — засмеялся толстяк, перекладывая Карпика обратно в сачок.

— Женя! — крикнул отец, подходя к лодке. — Что же ты наделал?

Женя оглянулся.

— Положил лосося на солнце и забыл! Нечего сказать, хорош рыбак! А-а! Вот этот кстати по-

пался! — увидав сазана, завертевшегося в сачке, обрадовался отец. — У нас сегодня в неводе только селедка, никакой другой рыбы. Тащи его, Женя, на обед!

— Папа, что ты! Пустим сазанчика в воду. Он ведь с меткой!

— Да, — поддержал Женю рыбовод, — пусть карп погуляет. Еще раз поймаете, снова взвесим, узнаем, как рос, а там и на тарелку!

— Что ж с вами поделаешь, с учеными! Придется, видно, жареную селедку есть! — рассмеялся отец.

Женя бережно вынул Карпика из сачка, наклонился к воде и разжал руки...

ОГЛАВЛЕНИЕ

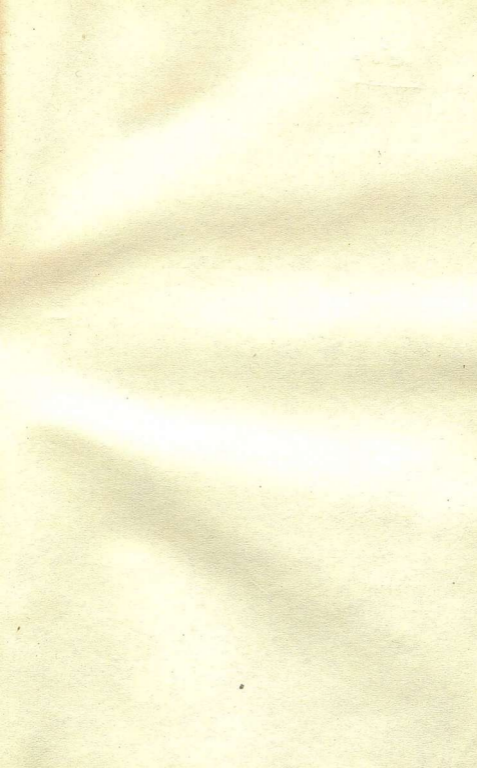
***	3
Весна под водой	5
Морской волк	9
На родине	14
Западня	18
Куда плыл Морской волк	22
Конец половодья	25
Высыхающий залив	30
Снова в реке	34
Привольные места	39
Обратный путь	44
Плен	49
Побег	54
На зимовке	56

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Ответств. редактор В. Гаккер. Подписано к печати 21/ХП 1942 г. 4/4 печ. л.
(3 уч.-изд. л.), 26 640 зн. в печ. л. Тираж 50 000 экз. ЛП19154. Заказ № 2683.
Цена 1 р. 10 к.

Фабрика детской книги Детгиза Наркомпроса РСФСР. Москва, Сушевский
вал, 49.

1996/9

150 =

Цена ~~1 р. 10 к.~~